

ЭКОНОМИКА, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316.342.6
© 2015 г.

Ю.Ю. Волков

**ФИНАНСОВЫЕ ПРАКТИКИ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
КРИТЕРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Волков Юрий Юрьевич – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются финансовые практики как поведенческие модели в финансовой сфере российского общества. Автор статьи предлагает в качестве критерия описания и анализа финансовых практик степень субъектности, выражаемой как в целях, так и в уровне автономности, самостоятельности принимаемых решений, направленности на создание социального эффекта. В статье содержится вывод о том, что адаптивные финансовые практики приоритетны и характеризуются повышением адаптивного потенциала, что выражается в политике повышения прочности финансовых ресурсов и одобрения соответствующих «защитных» правовых и финансовых схем.

Ключевые слова: финансовые практики, российское общество, финансисты, финансовые ресурсы, финансово-банковская сфера.

Финансовые практики как поведенческие модели направлены на реализацию, применение, использование и распределение финансового капитала, характеризуют институциональную зрелость, в какой степени обладатели финансового капитала (финансисты) используют финансовые ресурсы в качестве рыночных механизмов для достижения рыночных и социальных целей. Наибольшее распространение в российском обществе, как мы знаем, имеют финансовые практики, которые разделяются по различным критериям: по целям, масштабу, вре-

менному фактору, по способам и обязательствам исполнения. Можно говорить о градуировании финансовых практик на практики, связанные с производительным и потребительским назначением.

В целом финансовые практики зависят от того, какое место занимают финансовые институты в институциональной системе, какие функции предписываются институту финансов и какая степень ресурсности зафиксирована в их деятельности и функционировании. Финансовая деятельность по сравнению с деятельностью в других сферах является обладающей высшим уровнем законопослушности, влияние на функционирование финансовых институтов оказывают государственные регуляторы.

Вместе с тем финансовые практики характеризуются достаточной степенью теневизации и полутеневизации: преступления в финансовой сфере являются хотя и не самыми распространенными, но наносящими наибольший ущерб сфере экономической деятельности. Поэтому, говоря о финансовых практиках, следует отметить, что они зависят, во-первых, от нормативно-правовой базы и реальной экономической ситуации в стране, востребованности финансовых ресурсов; во-вторых, от профессиональной культуры, от целей, которые преследуют обладатели финансового капитала.

В финансовые практики в российском обществе в той или иной степени вовлечен каждый третий россиянин. В то же время следует отделять нерегулярное обращение к финансам или действия в качестве кредитуемого и деятельность, направленную на реализацию крупных экономических и социальных проектов. Полагая, что финансово-банковская сфера является сферой, которая обеспечивает элиты не только организационными формами, но и ресурсной базой, мы имеем в виду, что внутри финансовой сферы действуют правила получения большей ренты. Отношения всегда более или менее динамичны, но никогда не бывают статичными, несмотря на противодействие внешним влияниям [4].

В подобных обстоятельствах важным становится доступ к финансовым практикам. Исследуя нормативно-правовую базу функционирования института финансов, мы обратим внимание на то, что в российском обществе сформированы рамочные условия, что российское финансово-банковское законодательство включает достижение мировой цивилизационной мысли. В финансовой системе российского общества действуют рыночные факторы и сложились общие убеждения в легальности финансовых практик. Растущее использование финансов дает возможность обладателям финансового капитала форму-

лизовать собственные правила контроля и оценку степени легальности/иллегальности финансовых ресурсов. Существующие финансовые ассоциации обладают достаточным весом, чтобы осуществлять запрет на нелегитимные действия некоторых акторов рынка.

Одновременно ограниченный доступ к финансовым ресурсам не дает возможности утверждать, что финансовые практики стали повседневными в российском обществе. Нельзя говорить о том, что наступил период совпадения деятельности финансовых ресурсов и деятельности финансистов с институциональными стратегиями. Занятая ниша в бизнес-сообществе доказывает эффективность новых институтов, а понятное в этих условиях заимствование иностранных образцов воспринимается естественно, так как не существовало и не существует российских эффективных аналогов.

При этом необходимо отметить, что российские финансисты вынуждены не только затрачивать средства на поддержание собственно рыночных механизмов, но и делать ставки на полезные знакомства в государственной сфере или работу с определенными политическими силами. Испытывая затруднения в обеспечении достаточной безопасности, в финансовые практики вносятся элементы скрытности. Одновременно растет стоимость финансовых структур. Это связано с накоплением непрофильных активов, с тем, что обладатели финансового капитала, не рассматривая профильные активы в качестве приносящих прибыль, заинтересованы в том, чтобы их деятельность не могла перевешиваться политическими или конъюнктурными соображениями.

При всем разнообразии финансовых практик обращает на себя внимание преобладание краткосрочных вложений. Крайне редко обращение даже крупных банков к долгосрочным проектам: оно составляет едва ли десятую часть. Переломного момента на этом направлении не произошло, так как банковско-финансовая сфера остановилась на фазе институционального воспроизводства и финансовые практики реализуются с целью предупреждения дефицита средств.

Важнейшей предпосылкой выступает то, что в российском обществе ресурсная индустриализация привела к тому, что доходы сырьевого сектора вынуждают финансовые структуры вступать в конкуренцию по поводу амбиций. Даже притом что высок уровень альянсирования сырьевых и финансовых структур (яркий пример – Газпромбанк), конкуренция имеет отрицательную сторону в том, что финансовые практики подтягиваются до уровня сверхдоходности, а это в свою очередь оборачивается сохранением критерия прибыльности. Другими

словами, финансовые структуры принуждаются к тому, чтобы извлекать высокую прибыль.

Таким образом, можно говорить о том, что финансовые практики в силу этого обстоятельства балансируют на грани легальных/иллегальных. Этот вопрос не кажется праздным, так как в финансовом субполе борьба ресурсов может принимать ожесточенный характер. Испытывая к тому же конкуренцию западных структур, грозящих практиками финансового демпинга, можно говорить о том, что обладатели финансового капитала вынуждены были бы заниматься поиском особых рыночных ниш. Однако этот процесс не проявляется в форме перехода финансовых ресурсов в регионы, к тому, чтобы пространственно приближаться к потребителю. Очевидно, практики активного привлечения банковских кредитных ресурсов проигрывают стратегии укрупнения путем объединения и слияния.

Процессы легализации финансовой деятельности открывают здесь дополнительные возможности. Однако из-за низкого уровня капитализации оценки возможностей привлечения посторонних средств принимаются достаточно скромно. По крайней мере их недостаточно, чтобы говорить о встрече на легальном уровне западных финансовых инвесторов. Отсюда стратегия прихода/ухода с рынка вполне объяснима. Наряду с обязательным расширением ассортимента финансовых услуг речь идет о том, чтобы не испытать влияние новых правил игры.

Финансовые практики можно классифицировать как адаптивные, наступательные и промежуточные. Адаптивные практики доминируют, так как связаны с сохранением стабильности внутри институциональных отношений и с удержанием завоеванных позиций в финансовой сфере. Однако выясняется, что в нынешних условиях повышение адаптивного потенциала не является достаточным: ожидаемые государством и обществом действия в финансовой сфере направлены на то, чтобы инициировать инновационные тренды в экономической жизни. Именно это обстоятельство и предопределяет критические пределы восприятия финансовой деятельности.

Примечательно, что в обществе, где внешне господствует идея социальной справедливости (этой позиции придерживаются 45 % россиян), достаточно сильными являются обеспечение, развитие в обществе без революций и потрясений и возвращение статуса великой державы [2, с. 50]. Разнонаправленность общественных требований порождает заинтересованность в продолжении адаптивных практик: с одной стороны, обеспечение стабильности и развития соответствует

установкам финансистов, но с другой – возвращение статуса великой державы требует финансовых сверхзатрат.

Все эти обстоятельства не могут коррелировать с отношениями социальной справедливости, связанными с сильным государством, заботящимся о своих гражданах. Ясно, что в установках на социальную справедливость присутствует немалый элемент распределительных рисков. В обществе так и не найден компромисс по поводу относительно стратегического пути социального развития. Это проецируется на состояние финансовых практик высокопрофессиональных и специализированных и не имеющих отношения к конъюнктурным политическим и социальным реалиям.

Действительно, для большинства российских финансистов надежда на лучшую жизнь видится в том, чтобы государство выступало сильным гарантом стабильности финансовых структур, и требования вне этого контекста воспринимаются как несправедливые. В инновационных развивающих практиках видится идеальное состояние, расчет на долгосрочную перспективу. Но так как не выработаны общие инновационные цели и существуют претензии к тому, чтобы определить критерии функционирования финансовых институтов, остается нерешенным вопрос: являются ли инновационные практики результатом поддержки со стороны государства или исключительно самостоятельной разработкой?

С точки зрения долгосрочной перспективы наиболее продуктивны инвестиции в сектор новых технологий: объекты этих инвестиций дают самую большую кумулятивную отдачу [3]. В то же время инновационные проекты не относятся к базисным условиям финансовых практик. Гораздо более привлекательны улучшающие инновации, за которыми стоит воспроизводство адаптивных практик. Можно также говорить о том, что эффективные организационные формы лоббирования интересов не совпадают с созданием ассортимента разнообразных финансовых инструментов, позволяющих повысить конкурентоспособность российских финансовых структур и развить их деятельность, как посредников, в росте конкуренции экономики в целом. Сложные взаимоотношения между финансовыми структурами и государством определяются наращиванием адаптивного потенциала с целью установления большей самостоятельности.

Представители финансового капитала не сделали и не делают окончательного выбора между адаптивными развивающими практиками, так как не выступают в качестве коллективного субъекта деятельности. Переход в начале 2000-х гг. к работе с широкими массами насе-

ления ориентируется на закрепление адаптивных стратегий, адаптации к тому, что в российском обществе не существует свободных финансовых ресурсов, позволяющих без оглядки на критерии ликвидности осуществлять финансовое заимствование.

В этом смысле финансовые практики могли бы опереться на более устойчивую нормативную базу, но есть одно обстоятельство, выступающее как существенная помеха. Реализация финансовыми структурами развивающих стратегий не дает преимуществ по сравнению с теми, кто придерживается адаптивных стратегий, так как не существует норм и стимулов, позволяющих утвердить это в качестве несомненного плюса в плане возможности дальнейшей деятельности. Неудивительно в связи с этим и то, что быть финансистом-инноватором в современной России зачастую непросто и не только невыгодно, но и неинтересно [2, с. 87]. Хотя 15 % российских граждан [2, с. 87] стремятся организовать собственное дело, это не влечет перехода к наступательным финансовым практикам.

Финансовые практики, таким образом, проявляются в легальном поле, имея адаптивную приоритетность. Такое состояние легальности содержит ограничивающий момент в том, что по существу стимулирует рискованные финансовые операции, не создает иммунитет от теневых действий. Проблема заключается в том, что рискованные операции привлекают в большей степени возможностью резкого повышения прибыли и компенсируют относительно низкие результаты соблюдения легального режима.

В выигрыше оказываются обладатели финансового капитала, которые не просто привыкли рисковать, но и действуют в зависимости от ситуации. Инновационные финансовые практики не закрепили общий статус и по той причине, что внутри финансового сообщества не существует механизма маневра финансов и гарантированной финансовой кооперации. Крупные банки не привыкли взаимодействовать с малыми и средними, что затрудняет выход на региональный рынок, а также вкладывание средств в инновационные технологии, не дающие немедленной отдачи.

В нынешних условиях нахождение способов и механизмов закрепления инновационных практик не совпадает с привычным для многих банков уровнем рентабельности, тем более что поощрение потребительского кредитования в начале 2000-х гг. мультиплицировало адаптивный эффект, создавая дополнительное притягательное воздействие для кредитных практик. Обязательное расширение ассортимента финансовых услуг вполне удовлетворялось устоявшимися схемами.

Второй фактор, который мог бы помочь изменению вектора, – это глобализация [6].

До сих пор российская финансовая система не поставлена в жесткие условия, чтобы бороться за свою конкурентоспособность. Государственный протекционизм здесь очевиден, поскольку результат крушения может быть вполне закономерным. При этом заметным становится разрыв между ростом адаптивного потенциала и усилением конкуренции в контексте применения инновационных практик. Инновационные практики не обладают нормативным преимуществом, и это отмечалось ранее по сравнению с адаптивными, а конкуренция организационных банковских структур обретает форму соперничества персон, не выступающих самостоятельными финансовыми игроками.

Прогрессом в этом направлении можно считать использование смешанных практик, которые по своим задачам и характеру отвечают требованиям быть конкурентными и одновременно не рисковать. Поэтому отмеченная тенденция может быть рассмотрена в качестве общей тенденции монополизации финансового субполя. Уверенно утверждают себя в качестве доминантных игроков те обладатели финансового капитала, кто может избежать институционального вытеснения.

Преобладание адаптивных практик над инновационными развивающимися характеризует группу финансистов на позиции обороны: обороны в том смысле, что обладатели финансового капитала не формируют социальных претензий на то, чтобы стать авангардом делового сообщества, с одной стороны; с другой – во влиянии на власть не определяют своего отношения к экономической и социальной политике. К такому выводу можно прийти на основании того, что деньги для стимулирования экономики можно заработать любыми средствами. Как пишет американский экономист Дж. Волф, используются угрозы и массовых восстаний, и массового Армагеддона [1, с. 31]. Российские финансовые группы не дошли до осуществления стратегии выбивания денег. Но если говорить о лидирующей роли инвестиционных правил, важным являются их требования отмены минимального резерва капитала, что достигли американские коллеги. Финансовые инструменты, таким образом, могут быть использованы как в узком смысле для поддержания финансовых рынков, для и в широком для достижения благоприятных условий развития банковской системы.

Если в Соединенных Штатах банки – это массовые учреждения, находящиеся в частной собственности, управляющие денежной политикой государства [1, с. 33], российский финансовый капитал создает деньги страны, но не управляет денежной политикой. Поэтому наибо-

лее заметны смешанные практики, сочетающие адаптивные опробованные механизмы и применение инновационных моментов, связанных, в частности, с инновациями правового и финансового характера.

Следует отметить, что финансовые практики вполне адекватно отражают сложившуюся институциональную структуру, так как стимулируются потребностью в оптимальном распределении финансовых ресурсов. Учитывая то обстоятельство, что в российском обществе ресурс доверия не соизмерим с властным влиянием, можно сказать, что практики рациональны относительно ситуации. Трудно предположить воздействие инновационных практик в условиях, когда общество к инновациям относится достаточно сдержанно, и непрерывные изменения хотя и изрядно надоели, но 60 % россиян нравятся [2].

Другое дело, что обладатели финансового капитала не выступают зачинщиками политических и социальных изменений. С разной степенью вероятности проявляется желание держать ситуацию под контролем и не пускаться в эксперименты по поиску инновационных путей и способов. Становится очевидным, что в современных условиях, хотя и есть общее осознание того, что нельзя двигаться вперед на основе прежних экономических, социальных и политических механизмов, модернизационный рывок рассматривается эволюционно, как способ постепенных изменений, находящихся под максимальным государственным контролем.

Сетования по поводу того, что банки несамостоятельны на инновационном пути, могут позволить обрести статус инноватора, но финансовые практики рутинизированы в том смысле, что импульс задается крупными банковскими структурами. Во-первых, изначально российский финансовый капитал основывался на том, чтобы нарастить капитал. Выступая с консолидированных позиций по поводу того, как делать бизнес, обладатели финансового капитала, столкнувшись в 1998 г. с ситуацией спасения своего бизнеса, не действуют рискованно. Для них быть настоящим банкиром означает, избавившись от кризиса и внешних обстоятельств, делать умные выводы.

Во-вторых, влияние на финансовые практики заключается в том, что и к практикам применяется критерий оптимальности. Прибыльность не кажется простым делом, так как, увеличивая объемы резервов, страхуя вклады, делается много для того, чтобы обеспечить стабильность банковской системы. Также можно говорить о том, что финансовые практики отражают субъектность банковского капитала, вернее, ее корпоративное состояние.

Литература

1. *Вольф Дж.* Преднамеренный кризис. М., 2013. 200 с.
2. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 296.
3. Модернизация и политика в XXI веке. С. 73.
4. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. М., 2011. С. 113.
5. О чем мечтают россияне (размышления социологов)? Аналитический доклад. М., 2012. 181 с.
6. Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 121.

References

1. *Vol'f Dzh.* Prednamerennyi krizis. M., 2013. 200 s.
2. *Gorshkov M.K.* Rossiiskoe obshchestvo kak ono est'. M., 2011. S. 296.
3. Modernizatsiia i politika v XXI veke. S. 73.
4. *Nort D., Uollis Dzh., Vaingast B.* Nasilie i sotsial'nye poriadki. M., 2011. S. 113.
5. O chem mechtaiut rossiiane (razmyshleniia sotsiologov)? Analiticheskii doklad. M., 2012. 181 s.
6. Puti Rossii: sushchestvuiushchie ograni-cheniia i vozmozhnye varianty. M., 2004. S. 121.